
Александр Федорович Котс

Петр Петрович Смолин и его тридцатилетнее участие в создании Государственного Дарвиновского Музея.

В многообразной деятельности Петра Петровича **Смолина** за тридцать с лишним лет моего близкого знакомства с ним, работой, наиболее заметной и имеющей оставить по себе след, наиболее длительный и вещно-уловимый, следует считать его участие в создании Государственного Дарвиновского Музея.

И, однако, наперед два слова для характеристики виновника сегодняшнего вечера.

Среди немалого количества дипломированных зоологов и вообще натуралистов нашей Родины, Петр Петрович **Смолин** представляет из себя явление довольно необычное, я бы сказал отчасти уникальное: музейец, полевик-натуралист, хотя и **не**-охотник, педагог-общественник, писатель, он своей столь самобытной жизненной тропой обязан преимущественно самому себе, используя предельно **две** черты, два природенных дарования, им внесенные в жизнь.

Эти **два** дара, несомненно прирожденные: **Любовь к живой природе и любовь к родному слову.**

Первая, любовь к живой природе, в частности к миру животных, несомненно прирожденные, поскольку ни один из его братьев этой страсти и любви не разделял, хотя условия воспитания были для всех трех довольно одинокие.

Но также прирожденным следует считать свободу обращения Петра Петровича с живою речью, устной, или письменной, поскольку старший его брат, скончавшийся недавно Дмитрий, Петрович, бывший личный секретарь Над. Конст. **Крупской**, обладал незаурядным дарованием писателя- драматурга.

И вот, самой природой наделенный этими двумя дарами, именно влечением к живой природе и к живому слову, молодой 17-тилетний **Смолин** поступает в 1914 году в Московский Университет, на Физико-математический Факультет.

Мне неизвестно, да признаться я и не интересуюсь знать, как протекали школьные годы **Смолина**, и не интересуюсь потому, что за ничтожным исключением гениев, подобных **Ленину** или, среди академических ученых, математика **Чаплыгина**, — успешность школьного учения не предрешает жизненных успехов.

Хорошо известно, что не мало замечательных ученых и новаторов в науке (стоит лишь напомнить **Дарвина** и **Либиха**) считались в годы пребывания их в Средней Школе мальчиками, ниже средними по дарованиям. Но и обратно сотни медалистов и отличников при пребывании их в Средней Школе, после окончания ее ничем не проявляли своего особенного дарования, а частью оставались на всю жизнь на положении «пустоцветов.»

Не приходится также особо сожалеть о том, что, будучи мобилизован в 1916 году, **Смолин** не мог использовать, как должно, пребывания в Университете. Но характерно, что яркая любовь к науке о животных и хорошее знакомство с ними обратила на себя тогда уже внимание крупных представителей науки о животных, как профессор М.А. **Мензбира** и Б.М. **Житкова**.

Как бы то ни было, но облеченный в форму командира взвода царской армии, Петр Петрович мне впервые встретился уже после Октябрьской Революции на территории Московского Зоологического Сада.

Было это в 1919 году и для того, чтобы понять и оценить работу **Смолина** в ближайшие последующие годы, мне придется очертить немногими словами жизнь московского Зоологического Сада в разбираемую пору, — первые годы после его национализации.

Основанный более **ста** лет тому назад по инициативе ряда выдающихся профессоров московского Университета (Усова, Богданова, Московский Зоосад по миновении первых лет расцвета, стал все более терять внимание и поддержку общества и делаться ареной нескончаемых хлопот и неприятностей для Общества Акклиматизации, в ведении которого Сад находился.

Только на исходе прошлого столетия установилось некое подобие сравнительного благоденствия и то только посредством денежных ресурсов несколько сомнительного рода: приглашением для привлечения публики борцов, атлетов, укротителей зверей и прочих персонажей, близко стоявших к зверю, но довольно далеко от истинной культуры.

И казалось этому столь мало радостному положению сулил конец по национализации Зоологического Сада Ленинским Декретом летом 1918-го года.

Так оно и представляется сейчас после сорокалетию советской власти.

Но на деле это было далеко не так и первые **пять** лет по национализации московского Зоологического Сада протекли в условиях жестокой, ужасающей борьбы его за голое существование.

То были годы первой империалистической войны, годы гражданских войн: Деникинцы под Тулой и Юденич под тогдашнем Ленинградом угрожали самому существованию молодой Страны Советов. И как следствие блокады и войны явились неизбежные их спутники: развитие эпидемий, недостача топлива и хлеба.

Но грознее тифа, голода и холода были опасности со стороны людского элемента: спекулянтов, аферистов всех мастей и рангов, усмотревших в Зоосаде выгодный источник своего обогащения.

При наступившей колоссальной и все возрастающей инфляции (расплачивались мы тогда по преимуществу миллионами) при острой дефицитности питания, при значительных кормах, потребных для животных Зоосада — этот Сад оказывался «лакомым куском» для любителей легкой наживы, всяких проходимцев, спекулянтов.

И не будь тогдашней, знаменитой некогда «**ЧеКа**» — Комиссии по борьбе со спекуляцией и контрреволюцией — московский Зоосад погиб бы в первые же годы после Революции, от непомерного усердия его «хозяйственников».

И вот в такое то гнездо «Осинное», отъявленных мошенников, вредителей и спекулянтов приходилось мне войти в роли научного руководителя, а позже и Директора, по предложению тогдашнего Наркомпроса, я сказал бы, по его настаиванию, поскольку в случае моего отказа — Зоосаду угрожала перспектива его вывода из Москвы, переводение в более теплые и «кормные» места.

К этому же одновременно назначенный со мною в роли «Председателя Коллегии» профессор **Рыбаков** — скромный и честный человек, но мягкий, слабовольный, скоро умер и мне всецело, одному пришлось бороться с бандой спекулянтов-взяточников, норовивших обокрасть Московский Зоосад возможно совершенным образом.

И вот, пока все мои силы и старания были направлены на обезвреживание этих врагов, на доставание кормов для голодающих зверей и служащих и их семейств, я в молодом моем сотруднике, Петре Петровиче нашел незаменимого помощника.

Незаменимым оказался он не только по своей любви к животным и к живому слову, по своим познаниям, как зоолог и не только по разделу нашей русской фауне, но и экзотической не только как умело разбиравшийся тогда уже в Генетике, но по особым свойствам своего характера.

Я разумею здесь одну завидную черту Петра Петровича. Работая, настолько увлекаться, что не видеть окружающего, игнорировать, реальность обстановки, редкое умение отвлекаться от нее, всецело отдаваясь делу.

Забегая несколько вперед, должно сказать, что очень ценная по существу, эта черта. Эта способность **Смолина** в своем энтузиастичном увлечении работой забывать все окружающее, делало то, что я порой серьезно опасался за сохранность моего музейного имущества, боясь, что занятый своим горячим лекционным объяснением Петр Петрович не заметит, как утащат из Музея и во время его лекции чучело **Слона** или **Жираффы**.

Но как раз эта способность игнорировать житейские и обывательские дразги, трудности или помехи дали мне возможность в годы небывалых трудностей и героической эпохи первых послереволюционных лет поставить с помощью Петра Петровича до полусотни опытов по скрещиванию различнейших животных,

---

обеспечив результаты этих опытов на положении стойких выставочных экспонатов в **Дарвиновском Музее**.

Должен здесь признать, что придавая, разумеется, огромное значение работам по исследованию норм или закономерностей **Наследственности** у животных, сам я всецело обойден умом и головой Генетика. Но очевидно также, что в отличие от явления «**Изменчивости**» у животных, иллюстрацию которой для Музея подобрать нетрудно, — экспонаты по **Наследственности** не приобретаются путем покупки и на стороне, а требуют упорных, сложных многолетних опытов и содержания живых животных.

Но как раз для этих целей материал, имевшийся в ту пору в Зоосаде, отвечал всем требованиям постановки нужных опытов. Имелись богатейшие коллекции пород домашних голубей хорошие подборы **Кур** разных пород, **Фазанов, Уток и Гусей**, а из Млекопитающих — получено не мало замечательных гибридов, поясняющих наследственность у грызунов и некоторых копытных.

И в то время, как мои «Хозяйственники», т. е. Заведующие хозяйством Зоосада наровились умыкнуть каждую курицу, или яйцо чистопородных кур для «кулинарных целей», свадебных обедов с приглашением созвучных по желудочным запросам мнимых «госинспекторов» и «ревизоров», мы с Петром Петровичем предпринимали многие десятки опытов по скрещиванию, имеющих наглядно пояснить элементарные закономерности наследования признаков, лежащие в основе современного животноводства.

Можно с полной уверенностью утверждать, что если пятилетние систематические наблюдения и опыты по изучению повадок, поведению и психики животных, проводившиеся в те же годы моей верной спутницей в науке и на жизненном пути, Надеждой Николаевной, легли в основу **Зоопсихологического Отдела Дарвиновского Музея**, — то работам **Смолина** в том же Саду **Музей** имени **Дарвина** обязан целиком созданием Отдела, посвященного учению о «наследственности» у животных, залом, посвященным нормам и закономерностям Генетики, без понимания которых все учение о «Естественном Подборе» повисает в воздухе.

Но в ту же пору я мел возможность ознакомиться впервые с данными Петра Петровича, как лектора, руководителя экскурсий.

И, однако, чтобы оценить эти его способности, полезно мысленно перенестись в условия этой его работы в нашем Зоосаде в ту далекую и героическую пору 38 лет тому назад.

При неплохом сравнительно составе, содержании зоологических коллекций Зоосада, внешний вид его был мало привлекателен, особенно в дождливую погоду, осенью и ранней весной. Непросыхающие лужи по дорожкам, полное отсутствие цветов, скелетные остатки дохлых лошадей по закоулкам Сада, лошадей, свозившихся с московских улиц для кормления хищных, аромат от лисьих клеток и обширные участки занятые свеклой для кормления слонов, а не пионами и прочими цветами...

И вот в этих условиях работы, в обрамлении лужами и костными останками коней **Петр Петрович** умудрялся так захватывать свою речь экскурсантов (преимущественно педагогов с мест), что слушатели забывали вопиющие несовершенства обстановки.

Факт — глубоко знаменательный. И в самом деле. Нет ничего легче, как обслуживать экскурсии там, где содержание и внешность Учреждения способны сами по себе увлечь и захватить внимание зрителей.

Иное дело, когда внешние условия показа или лекции несовершенно и когда от энтузиазма, лектора зависит яркой речью, убежденностью заставить своих слушателей позабыть о внешних не порядках, о несоответствии, разрыве содержания и формы учреждения, ценности картины и негодности, несовершенстве рамы, обрамлении.

И только недостаток времени не позволяет мне здесь привести образчики тех отзывов тогдашних слушателей **Смолина**, которым позавидовать могли бы и теперешние посетители нашего Зоосада, тратящего столько средств на внешнюю декоративность садской территории.

В основе этой исключительной успешности работы **Смолина** как культурработника в то трудное, ответственного время урывалась, впрочем, и еще одна черта, определявшая в высокой мере эти достижения, этот успех: я разумею полное, энтузиастичное признание, принятие Октябрьской Революции и понимание лозунгов широкой демократизации науки, без обычного дотоле разделения на знания для «Интеллигенции» и знания как бы «второго сорта» для народных масс.

Нельзя не вспомнить, что в описываемую пору — первые годы после Октября, не малое число зоологов оставило Москву, спасаясь от угрозы тифа, холода и голода на юг, более богатые теплом и хлебом. Немногим, правда, удалось вернуться после минования трудных лет. Но этот дефицит **дипломированных** ученых сил делало то, что молодой нашей Республике невольно приходилось обращаться к лицам, пусть не обладателям дипломов, но за то всем сердцем преданным новому строю, новым установкам.

В виде иллюстрации — только один пример.

Светлая зала Научного Отдела **Наркомпроса** — Наркомата Просвещения. За столом — почтенное собрание ученых и профессоров. Собрание экстренное для обсуждения новых установок в деле культурного обслуживания народных масс. Ввиду отсутствия помощника Заведующего Отделом (В.Т. Тор-оганесова) извинившегося по телефону в вынужденном запоздании — открытие собрания поручается сотруднику Наркомата, молодому юноше в фуфайке.

Помню, как сидевший со мной рядом, седовласый пожилой профессор Географии **Анучин** на ухо шопотом меня спросил: Кто этот юноша в фуфайке? — но ни мало не смущаясь на вопросы, обращенные тогда же к «Юноше в фуфайке» от профессоров, кто же откроет заседание? Юноша в фуфайке заявил, что до приезда Замначальника Отдела Наркомпроса, открывать собрание профессоров поручено ему Петру Петровичу **Смолину**.

Я набросал эту характерную сценку для того, чтобы напомнить, как в ту пору, сорок лет без малого тому назад, в первых рядах безоговорочных сторонников Советской власти числились не столько седовласые почтенные профессора-ученые, сколько годившиеся им во внуки молодые энтузиасты типа «Юношей в фуфайках», стилия юного Петра Петровича **Смолина**.

Но вот прошла наша тяжелая пора борьба с вредителями Зоосада. Он переходит в ведение **Моссовета**. Кончилась моя посильная работа в Зоосаде и я смог всецело отдавать все силы и все время Дарвиновскому Музею.

И на очереди пара слов о некоей другой работе **Смолина** для названного Музея.

Именно в ту пору, первые годы после Октября, шла интенсивная работа по национализации частных небольших музеев и коллекций частных препараторских торговлей.

При тогдашнем замиравшем транспорте, из-за бескормицы и массового падежа лошадей, — задача перевозки национализированных коллекций разрешается не так просто и не малую часть их приходилось на руках переносить до Дарвиновского Музея.

Но и здесь, как при определении коллекций, частью из довольно отдаленных мест, как напр. коллекций из Китая из приватного собрания чаеоторговца **Попова**, так и при их дальнейшей регистрации — энергия и знания **Смолина** мне оказали редкую услугу.

Наступает между тем известный перерыв в нашей совместной со **Смолиным** работе и на некоторое время мы расстались, чтобы по прошествии немногих лет опять сойтись, но уже только в Дарвиновском Музее.

В трех направлениях пошла эта работа. Всего прежде в области обслуживания наших музейских посетителей и всего прежде, разумеется, учащейся молодежи. Но поскольку эта сторона работы **Смолина** теснейшим образом увязана с основанным им «Кружком Юных Биологов» и регулярной работой с ним, — касаться ближе этой деятельности Петра Петровича — дело лиц, более близко к ней стоящих и достаточно подробно уже осветивших эту сторону его работы.

Остановлюсь поэтому на двух других сторонах деятельности Петра Петровича по Дарвиновскому Музею.

Всего прежде — по подбору или пополнению наших собраний по пушным животным, в частности по выводимым в наших зверосовхозных фермах помесей, или гибридов лис, различных варьететов платиновы, беломордых и трехколерных. Не оправдавшееся, правда, с точки зрения «дамской Моды» — этой самой привередливой, малопочтенной выразительницы внешней, видимой культуры, и поэтому довольно скоро оказавшееся устаревшей, — это увлечение гибридизацией лисиц различных колеров или мастей было использовано Дарвиновским Музеем лишь благодаря Петру Петровичу и привело к созданию коллекций, непревзойденной по богатству своего состава.

Еще более однако ценным оказалось продолжение гибридизационных опытов с различными зверьками после прекращения этих опытов в московском Зоосаде и перенесения их в стены Дарвиновского Музея. Сотни Морских Свинок, цветных крыс и кроликов, систематично, планомерно выведенных за 30 с лишним лет, доставили Музею совершенно уникальный материал для экспозиции, равный которому едва ли можно вообще найти в музеях.

Но еще и по другому интересному разделу нашего Музея — роль Петра Петровича была неоценима и на этот раз отчасти связана с его военным званием, как Спеца по служебному Собаководству. И десятки представителей редчайших частью вымирающих пород «барбосов» удалось увековечить в Дарвиновском Музее лишь благодаря обширным связям Смолина с собаководческим Учреждением. Эта связь с последними особенно ценна мне потому, что от владельцев частных — нелегко бывает выпросить посмертные останки дохлых псов, поскольку их хозяева предпочитают предавать их погребению, что очень трогательно с точки зрения человеческой, но не музейской.

Остается коротко остановиться на другом природном даровании Петра Петровича, на его редкому влечению к живому слову и родному языку.

Не разделяя полностью краеугольной установки **Смолина** в вопросе о методике преподавания и способу общения с молодежью, именно его подхода к каждому из его юных слушателей или собеседников, как к «будущим биологам», я не могу не признавать, что некогда у колыбели нашего сегодняшнего Юбиляра П.П. **Смолина**, стояла, пусть довольно скромная, но явно благоволившая к нему Фея и Муза поэтического творчества.

Для иллюстрации — лишь два примера.

Помнится, как в годы нашей деятельности в Зоологическом Саду и восхищаясь в сотый раз волшебной красотой павлиньего пера, случайно оброненного в вольере, я заметил, что чудесный по изяществу «Глазок» павлиньего пера вполне достоин был бы быть воспетым в стихотворной форме.

Протекло не более пятнадцати минут, как мне было подано прелестное стихотворение, карандашом набросанное Смолинскими столь хорошо известными каракулями под названием «Поэма Павлиньего Пера».

Уверен, что в моем Архиве сохранилась эта скромная, но любопытная **поэма** и я сожалею, что сегодня я не в состоянии зачать ее, на этом вечере.

Но да позволено мне будет в заключение зачитать отрывок из другого стихотворного произведения Петра Петровича, мне поднесенного в день моего семидесятилетия, **семь** лет тому назад.

Поскольку же намеченная к прочтению строфа равно относится и к автору стихотворения, да будет мне позволено эти слова, когда-то обращенные Петром Петровичем ко мне — вернуть ему, автору этих строк, — Петру Петровичу:

«С Октябрьских первых дней Вы были на посту
Высокого служения Народу,
Вы поняли тогда их смысл и правоту
И наступившую для творчества свободу!»

И оглядываясь назад за эти **сорок** без малого лет, я с умилением вижу среди считанных моих сотрудников по творческой работе с первых дней Советской власти при покойных Комиссарах **Штернберге** и **Луначарском**, и в борьбе со скрытыми и явными врагами новой жизни, — вижу среди крошечного круга лиц, открыто, честно вставших со мной рядом на совместную работу с Наркомпросом, — вижу Вас, Петр Петрович, в трудные годы тифа, голода и холода, открыто убежденно вставшим на служение народу и Советской власти.

Да сохраните Вы и впредь Ваши природные дары ума и сердца, Вашу преданность нашей Советской молодежи, Истинной (не маргариновой!) науке, нашему Дарвиновскому Музею, Вам обязанному столь многим, так давно и так проникновенно!

В заключение да будет мне позволено включить Ваше **шестидесятилетие** в грани и рамки более общей собственно-биографической оценки.

Известно давнее классическое изречение: «**Поэтае nascitur ораторес фиунт**». Поэты рождаются — ораторы становятся таковыми.

Уловное по своей внутренней правдивости — это изречение можно перефразировать в применении к натуралистам:

«**Подлинныи натуралисты рождаются. — Владетели дипломом**, кандидатских, как и докторских, — владеет ли званйи и степеней — продуцируются, отчасти — фабрикуются».

Можно уверенно сказать, что на десятки, а порою сотни обладателей научных степеней или дипломов — можно назвать лишь единичных подлинных, природных, истинных натуралистов «Божьей Милостью», как раньше говорили и как ныне говорят на Западе.

Таким «натуралистом божьей милостью», или на языке теперешнем «Милостью Генов» появились Вы, уже вполне сложившимся в Москве, в год первой империалистической войны: время, предельно неудачное для выявления Вашего незаурядного наследия.

То было время первой империалистической войны. Приглушенная жизнь Московского Университета (после его разгрома министерством Кассо в 1911 году), надвигавшиеся годы холода, голода, тифа, инфляции, надвигавшиеся последствия блокады и гражданских войн.

Казались на лицо — все объективные мотивы и причины отказать от использования, применения данных, привнесенных в жизнь или в лучшем случае — плыть по течению космических событий.

«Революция не нуждается в химиках» — слова, как будто сказанные Конвентом, отправляя на Гильотину величайшего из Химиков — **Лавуазье**.

С большим основанием, как будто можно было бы сказать, что при **Деникине** под **Тулой** и **Юденичем** под **Ленинградом** — Страна Советов не нуждается в Орнитологах.

Но словно чувствуя **свой личный** долг перед родной страной, свой долг перед самим собой, Вы не поддались на эти близорукие суждения, памятуя о другом суждении, связанным с именем великого поэта и мыслителя:

«Что ты наследовал от своих отцов — приобрети его для обладания!».